

ПРОСТРАНСТВО ВО ВРЕМЕНИ? АСИММЕТРИЯ ПРЕДЛОГА *в* В ПРОСТРАНСТВЕННЫХ И ВРЕМЕННЫХ КОНСТРУКЦИЯХ

Т. Нессет, А. Б. Макарова

(Арктический университет Норвегии, Тромсе, Норвегия)

В современной когнитивной лингвистике большое внимание уделяется соотношению между донорской и реципиентной зонами в метафорах. В статье рассматривается такое соотношение на примере метафоры *время это пространство* на материале русских конструкций с предлогом *в*. Мы показываем, что соотношение является асимметричным. Если в пространственных конструкциях мы наблюдаем контрастивную семантическую оппозицию, связанную с выбором винительного или предложного падежа (направление или местонахождение), то во временных конструкциях эти падежи оказываются в отношении дополнительного распределения.

1. ВВЕДЕНИЕ

Метафора представляет собой одно из центральных понятий когнитивной лингвистики. Метафора есть концептуализация одного понятия через другое, проецирование одного когнитивного домена на другой (*cross-domain mapping*, [Lakoff 1993: 203]). Согласно Джорджу Лакоффу и Марку Джонсону, к классическим примерам относятся такие метафоры, как *жизнь это путешествие* (*LIFE IS A JOURNEY*), *теории это строения* (*THEORIES ARE BUILDINGS*), *идеи это пища* (*IDEAS ARE FOOD*) и *спор это война* (*ARGUMENT IS WAR*) [Lakoff, Johnson 1980]. Метафорами наполнен наш язык, однако метафоры существуют не только на уровне языка, они структурируют наше сознание, восприятие и опыт взаимодействия с окружающей действительностью.

Ясно, что в метафоре реципиентная зона (*target domain*) заимствует признаки донорской зоны (*source domain*). Открытыми, однако, остаются следующие теоретические вопросы. Все ли признаки донорской зоны заимствуются в реципиентную? Есть ли в реципиентной зоне та-

кие признаки, которых нет в донорской? Представляется очевидным, что мы не имеем дела со стопроцентным соответствием между двумя зонами, так как в случае полного соответствия, скорее всего, речь шла бы о синонимии, а не об отдельных понятиях и доменах. Таким образом, разумно предположить, что отношения между донорской и реципиентной зонами являются асимметричными. Далее мы детально рассмотрим асимметрию между двумя зонами на конкретном примере функционирования одной из базовых языковых и концептуальных метафор, а именно ВРЕМЯ ЭТО ПРОСТРАНСТВО.

В метафоре ВРЕМЯ ЭТО ПРОСТРАНСТВО донорской зоной является конкретная пространственная сфера, а реципиентную зону представляет абстрактная временная сфера. В языке для выражения временных отношений используются те же понятия и конструкции, что и для выражения пространственных отношений. Иными словами, пространственные конструкции приспособляются к выражению новой семантики в рамках другого концептуального поля, в которое они заимствуются. Так, предлог *в* используется и для обозначения пространственной локализации, как в примере *в комнате*, и для временной локализации, например, *в августе*. Временной отрезок (*август*) описывается и воспринимается как трехмерное пространство. Метафора ВРЕМЯ ЭТО ПРОСТРАНСТВО не уникальна для русского языка и является одной из наиболее типичных в языках мира в целом [Haspelmath 1997].

Несмотря на то что донорская и реципиентная зоны метафоры ВРЕМЯ ЭТО ПРОСТРАНСТВО тесно связаны, в доменах пространства и времени наблюдаются серьезные различия, как наглядно продемонстрировали Жиль Фоконье и Марк Тернер [Fauconnier, Turner 2008: 55] на следующих английских примерах:

- (1) *Three hours went by, and then he had dinner.*
'Прошло *три часа*, и он поужинал'.
- (2) **Three feet went by, and he was at the door.*
*'*Прошли три фута*, и он был у двери'.

Как показано в примере (1), измерения временных отрезков (*час*) сочетаются с глаголами движения и указывают на протяженность во времени. Измерения расстояния (*фут*), однако, как следует из примера (2), такой сочетаемости не допускают ни в английском, ни в русском языках. На том основании, что временные и пространственные понятия не имеют одинаковой сочетаемости, Фоконье и Тернер заключают, что время не является зеркальным отображением пространства. Фоконье и Тернер не считают, что стоит рассматривать время

как единственную реципиентную зону метафоры ВРЕМЯ ЭТО ПРОСТРАНСТВО и предлагают анализ в терминах блендинга ментальных пространств (*blended mental spaces*). Бленды не тождественны ни одному из исходных ментальных пространств и не могут быть выведены напрямую из суммы составляющих исходных компонентов. В случае с метафорой ВРЕМЯ ЭТО ПРОСТРАНСТВО время возникает как результат сложного взаимодействия ментальных пространств. В дальнейшем по отношению к таким несоответствиям мы будем использовать термин «пространственно-временная асимметрия» (*space-time asymmetry*), как уже было сделано в более ранней работе [Макарова, Nessel 2013].

В настоящей работе мы предлагаем эмпирическое исследование пространственно-временной асимметрии на примере обстоятельств времени с предлогом *в* в русском языке. Мы сосредоточимся на падежном маркировании. В русских локативных обстоятельствах предлог *в* используется и с винительным падежом (*в Норвегию*), и с предложным (*в Норвегии*). При этом употребление падежей вносит семантический контраст, так как винительный падеж указывает на направление движения, а предложный — на местонахождение объекта. В то же время в русских обстоятельствах времени, отвечающих на вопрос *когда?*, предлог *в* управляет винительным и предложным падежами (*в четверг* и *в августе*). Мы находим оба типа обстоятельств времени, несмотря на то что семантика соответствующих конструкций одна и та же: и *в четверг*, и *в августе* описывают временные промежутки, в которые происходит какое-то событие.

Центральный вопрос данного исследования состоит в следующем: насколько соотносится падежное управление во временных и пространственных конструкциях. Мы утверждаем, что отношения между двумя типами обстоятельств не являются взаимно-однозначными, и выдвигаем следующую гипотезу:

- (3) Гипотеза ограничения:
предложное управление более ограничено во временной сфере, чем в пространственной.

Сформулированная выше гипотеза предполагает, что некоторые падежные противопоставления, имеющиеся в пространственных конструкциях, не сохраняются в конструкциях временных. Как будет показано далее, гипотеза находит подтверждение на конкретном языковом материале. В то время как в пространственных конструкциях употребление винительного и предложного падежей является

контрастивным, в темпоральной сфере это противопоставление нейтрализуется и два падежа оказываются в отношении дополнительной дистрибуции.

Данная работа ставит своей целью уточнение теории метафоры и определение отношений между донорской и реципиентной зонами в метафоре. На примере русского предлога *в* и его употребления с обстоятельствами места и времени мы проверяем гипотезу об асимметричности этих отношений. Очевидно, что русский язык предоставляет для этого прекрасный материал, так как в русском, в отличие, скажем, от романских и многих германских языков, внутри временных и пространственных конструкций существует падежное маркирование.

2. ВЫРАЖЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В этом разделе будет проиллюстрировано контрастивное употребление винительного и предложного падежей с обстоятельствами места для обозначения семантики направления и местонахождения. Как будет показано, на выбор падежного оформления не влияют такие характеристики соответствующих пространств, как размер (протяженность) и ограниченность. Данное свойство пространственных конструкций является ключевым для последующего сопоставления с временными конструкциями.

Как уже было отмечено во введении, русские обстоятельства места с предлогом *в* делятся на два типа и по формальным признакам падежного маркирования, и на семантическом основании. Существительное в пространственных конструкциях может маркироваться винительным падежом, как показано в примере (4), и в таком случае пространственная конструкция обозначает направление:

- (4) Например, я бы с удовольствием поехал *в Норвегию* или *Голландию* [Людмила Соколова. Гуляем на свои (2001) // «Известия», 2001.06.29]¹.

В случае же, когда существительное оформляется предложным падежом, конструкция с предлогом *в* указывает на местонахождение некоего объекта в определенном пространстве, как иллюстрирует пример (5):

¹ Примеры, если не указано дополнительно, взяты из современного подкорпуса Национального корпуса русского языка (1950—); www.ruscorgo.ru

- (5) Их приобретали на ярмарках, у приезжих купцов, а также за границей — в Норвегии, Голландии [Праздничные и будничные костюмы из Архангельской коллекции (2004) // «Народное творчество», 2004.06.21].

Таким образом, выбор падежной формы в пространственной конструкции с предлогом *в* влечет за собой явный семантический контраст. Стоит заметить, что противопоставление направления и местонахождения одинаково проявляется для различных типов пространства. Так, контраст между винительным и предложным маркированием не зависит от размера, типа протяженности (*extendedness*) и замкнутости или ограниченности (*boundedness*) пространств, которые описывают соответствующие существительные [Makarova, Nettet 2013]. Предложения (4) и (5) иллюстрируют контраст на примере протяженного и ограниченного пространства, так как страны представляют собой большие объекты, имеющие конкретные границы. Примером протяженного и не имеющего четких границ пространства могут служить слова типа *космос*, для которых, как следует из примеров (6) и (7), противопоставление между направлением и местонахождением сохраняется:

- (6) А когда мне было 11 лет, Гагарин полетел *в космос* [Эльвира Савкина. Если впрягаюсь, то основательно (2002) // «Дело» (Самара), 2002.05.03].
- (7) *В космосе* радиационный фон слегка повышен по сравнению с земным [Олег Газенко. Космонавт должен оставаться человеком Земли // «Наука и жизнь», 2006].

Более того, противопоставление сохраняется для непротяженных и ограниченных пространств, лучшим примером которых, пожалуй, может служить слово *точка*. Даже для такого минимального по протяженности пространства, как точка, сохраняется контраст между конструкциями направления (8) и местонахождения (9):

- (8) После преломления он попадет *в точку* фокуса [Сергей Транковский. Линзы и лупы // «Наука и жизнь», 2009].
- (9) *В точке пересечения* двух ветвей кривой кристаллизуются оба вещества одновременно [А. Крейнин. Не бойтесь мороза! // «Химия и жизнь», 1968].

Как показано в примерах (4)—(9), употребление винительного и предложного падежей допустимо с существительными, описывающими разные типы пространства; более того, размер и наличие границ

называемых пространств не имеют значения при падежном маркировании существительных в русских пространственных конструкциях. Семантический контраст, связанный с падежным противопоставлением, сохраняется при всех возможных комбинациях разных типов протяженности и ограниченности.

3. ВЫРАЖЕНИЕ ВРЕМЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Рассмотрим теперь систему обстоятельств времени в русском языке. Данная система крайне богата предложно-падежными конструкциями, и сочетания с предлогом *в* позволяют выражать самые разные типы значений. Мы, однако, сконцентрируемся только на употреблении падежей во временных конструкциях с предлогом *в*, которые отвечают на вопрос *когда?* В этом разделе будет показано, что временные конструкции используются с обоими падежами для передачи одного и того же значения. Мы покажем, что на распределение двух падежей влияют такие факторы, как протяженность, ограниченность, модификация и множественное число.

Основные принципы: ограниченность и протяженность

Функция интересующих нас обстоятельств времени заключается в локализации некоего события во времени. Такие обстоятельства времени Вольфганг Клейн [Klein 1994: 149; 2009: 65] называет позиционными (*temporal adverbials of position*). По сути, вопрос *когда?* можно переформулировать в пространственных терминах следующим образом: *где во временных координатах (на временной оси) находится то или иное событие?* В русском языке ответ на вопрос *где?* с употреблением предлога *в* предполагает использование предложного падежа. Таким образом, логично ожидать оформления предложным падежом и ответов на вопрос *когда?* Тем не менее, наряду с предложным падежом, мы наблюдаем и употребление винительного падежа, причем временные конструкции с винительным падежом ничуть не менее распространены и естественны, чем конструкции с предложным падежом. Вопреки ожиданиям, винительный падеж не только используется наравне с предложным, но является дефолтным для временных конструкций.

- (10) *В следующую секунду* Андрей увидел в их руках инструменты и понял, что это действительно музыканты [Виктор Пелевин. Желтая стрела (1993)].

- (11) Об этом *в прошлом месяце* сообщило правительство США [Александр Гребенников, Александр Патрикеев. Что для Америки рецессия, для России — дефолт (2002) // «Финансовая Россия», 2002.09.19].

Употребление двух падежей во временных конструкциях не вносит семантического контраста, так как и винительный, и предложный падежи одинаково локализуют событие во времени. Тем не менее распределение падежей не является свободным, напротив, мы обнаруживаем строгие ограничения на употребление падежей с определенными существительными. Так, сочетания *в секунде* и *в месяце*, несмотря на то что являются допустимыми сочетаниями в русском языке, в качестве ответа на вопрос *когда?* не соответствуют нормам русского языка. Более уместно говорить здесь о дополнительном распределении винительного и предложного падежей. Распределение винительного и предложного падежей в обстоятельствах времени зависит от двух главных факторов: описывает ли соответствующее существительное ограниченный промежуток времени и является ли этот промежуток времени протяженным [Nesset 2004]. Принцип выбора падежной формы в обстоятельствах времени с предлогом *в* можно коротко сформулировать следующим образом:

- (12) Влияние ограничения и протяженности временного промежутка на выбор предложной формы:
- а. Временные промежутки с четкими границами короче недели → *в* + винительный падеж (*в эту пятницу*);
 - б. Временные промежутки с четкими границами дольше недели → *в* + предложный падеж (*в этом месяце*);
 - в. Временные промежутки без четких границ → *в* + винительный падеж (*в это время*).

Рассмотрим подробнее три типа временных отрезков, представленных в (12). Идея границы является неперменной частью значения таких отрезков времени, как календарные промежутки четко определенной длины типа *месяц* и *год*. При определении ограниченности какого-то временного отрезка существенными являются такие факторы, как конвенционализованные в языковом сообществе представления и тип восприятия, конструирования объектов реальности (construal в терминологии Лангакера [Langacker 1991: 61]). Язык предоставляет возможности выражать разные типы такого конструирования. Так, кроме очевидных ограниченных временных промежутков, *прошлое* и *будущее* можно признать ограниченными, так как в случае с *прошлым* мы можем говорить о верхней границе — *настоящем*,

которое, в свою очередь, для *будущего* является нижней границей. Более того, такие понятия, как *детство*, *юность*, *старость* и подобные им, тоже принадлежат к ограниченным временным промежуткам: несмотря на то что точное место прохождения границы не является очевидным, само наличие границы представляется бесспорным — мы не можем точно сказать, где кончается *детство* и начинается *юность*, но мы точно знаем, что *детство* кончается. В связи с этим не кажется неожиданным, что концептуализация слов типа *детство* как ограниченных временных отрезков конвенционализована в русском языке.

Необходимо также обратить внимание на то, что протяженность не стоит рассматривать как бинарную оппозицию, более оправданно говорить о шкале протяженности от нуля до бесконечности. Падежное маркирование ограниченных временных промежутков отличается для промежутков различной длительности, при этом граница между короткими и длинными временными отрезками приходится на понятие *недели*. Отрезки короче недели маркируются винительным падежом, тогда как отрезки дольше недели — предложным падежом. Само же существительное *неделя* обычно используется с предлогом *на*: *на той неделе*.

К неограниченным же временным промежуткам относятся такие общие понятия, как *время*, *период* и *эпоха*. Неограниченные и длительные временные отрезки маркируются винительным падежом: *в это время*. Иными словами, предложный падеж маркирует сочетания с протяженными и ограниченными временными промежутками, а винительный — во всех остальных случаях, являясь, таким образом, дефолтным вариантом. Как мы увидим далее, эти принципы имеют некоторые ограничения².

² Более подробный анализ различных случаев падежного маркирования в русских обстоятельствах времени содержится в работе [Nesset 2004], а также представлен в укороченном варианте в [Makarova, Nesset 2013]. В частности, в указанных работах рассматривается больше факторов, влияющих на выбор падежа, таких, как цикличность. Особым образом также конструируются, например, названия сезонов, когда винительный падеж чередуется с творительным (*в лето* vs. *летом*). Это связано с тем, что фокус внимания оказывается не на временном отрезке как таковом, а на наборе свойств, которым он обладает (*лето* — *жаркое время*, *зима* — *холодное время* и пр.). Сезоны подробно описаны в [Nesset 2004: 298—302].

Наличие определения

Первая оговорка, которую необходимо сделать в связи с принципами, описанными в пункте (12), связана с наличием определений при существительном. Определение может быть как препозитивным, так и постпозитивным. Так, обстоятельства времени, у которых есть постпозитивное определение, выраженное именной группой в родительном падеже, оформляются винительным падежом, как показано в примере (13):

- (13) Кому-то льстит, что он родился *в год Тигра*, а не Крысы, например [А. Цыбин. Футы, метры и постоянная Планка // «Наука и жизнь», 2006].

Год представляет собой продолжительный временной отрезок с четкими границами, который, согласно (12б), оформляется предложным падежом. Однако в примере (13) существительное *год* использовано в винительном падеже. Причиной такого выбора падежного маркирования служит наличие постпозитивного определения (*Тигра*). В работе Нессета [Nesset 2004] предлагается следующее объяснение такой вариативности. Определение при существительных, обозначающих временные промежутки, специфицирует указанные промежутки, смещая фокус с количественных характеристик временных отрезков на их качественные характеристики. Таким образом, обстоятельство времени не только локализует событие во времени, но и указывает на качества и отличительные признаки этого временного отрезка. Так, в примере (13) важен не столько сам год рождения, сколько то, какими свойствами этот год обладает. Наличие препозитивного определения влечет те же последствия, хоть и не во всех случаях:

- (14) Даже *в сумеречный февраль* в вашей квартире светло, тепло и солнечно [Светлана Новикова. Жасмин — девушка-цветок (2003) // «Мир & Дом. City», 2003.04.15].

В примере (14), как и в примере (13), важна не столько локализация события в определенной точке на временной оси, сколько свойства этого временного отрезка: важно не то, что дело происходит в феврале, важно, что февраль этот сумеречный. Итак, *в сумеречный февраль* отвечает не только на вопрос *когда?*, но и на вопрос *при каких обстоятельствах?* Итак, как показано в примерах (13) и (14), наличие определения в обстоятельствах времени смещает фокус внимания с временной локализации на указание свойств соответ-

ствующего временного промежутка. При таком смещении акцентов существительное маркируется не предложным, а винительным падежом.

Эффект множественного числа

Другим случаем, на первый взгляд противоречащим принципам, указанным в (12), являются контексты типа (15), где для существительного *год*, обозначающего продолжительный и ограниченный по времени отрезок, вместо ожидаемого предложного падежа обнаруживаем винительный:

- (15) Примерно *в эти годы* на него впервые всерьёз обратили внимание [Сергей Татевосов. Князь тьмы в малиновом берете // «Коммерсантъ-Власть», 1999].

В то время как в сочетаниях типа *в том году* речь идет о конкретном годе, продолжавшемся 365 дней и имевшем точные границы, сочетание *в эти годы*, содержащееся в (15), точных границ не имеет. Таким образом, множественное число снимает границы и описывает неограниченные временные промежутки. Для неограниченных по времени отрезков мы ожидаем использование винительного падежа после предлога *в*, что и наблюдаем в примерах типа (15), где существительное *год* используется во множественном числе.

Итак, как мы видим, принципы, описанные в (12), покрывают основные типы употребления винительного и предложного падежей в русских обстоятельствах времени. Наличие определений и эффект множественного числа не являются исключениями из основного правила: во временных конструкциях распределение винительного и предложного падежей, в отличие от пространственных конструкций, не вносит столь заметного семантического контраста и является дополнительным.

4. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ВРЕМЕНИ В КОРПУСЕ

Выше были рассмотрены принципы падежного маркирования русских обстоятельств времени на материале отдельных примеров. Чтобы проверить, насколько широко эти принципы распространены, необходимо обратиться к данным, позволяющим проводить квантитативный анализ. Такими данными являются данные языковых корпусов.

Работы [Nesset 2004] и [Makarova, Nesset 2013] основаны на анализе корпусного материала небольших по объему Тюбингенского

и Упсальского корпусов и корпуса ParaSol соответственно. Более того, целью исследования [Макарова, Нессет 2013] был контрастивный анализ нескольких славянских языков. Поскольку имеющиеся корпусные исследования основаны на материале небольших корпусов, представляется целесообразным использовать принципы, сформулированные в (12), в качестве гипотезы и проверить эту гипотезу на материале самого крупного из имеющихся корпусов русского языка, а именно Национального корпуса русского языка (НКРЯ, www.ruscorpora.ru). Методом сплошной выборки из современного подкорпуса НКРЯ (1950—), используя только корпус со снятой омонимией, мы получили 4897 примеров употребления предлога *в* с существительными, обозначающими промежутки времени, в винительном и предложном падежах единственного и множественного числа. Между предлогом и существительным допускалось расстояние в одно слово. После этого вручную были удалены все примеры, в которых конструкции с предлогом *в* не отвечают на вопрос *когда?* К наиболее распространенным конструкциям, которые не учитывались в дальнейшем анализе, относятся такие, как:

- *из года в год* (и аналогичные с другими существительными). В таких конструкциях мы имеем дело с пространственной метафорой и наблюдаем метафорическое движение, где направление оформляется винительным падежом. Стоит отметить, что подобная метафора направления движения не наблюдается в конструкциях с предлогом *в*, которые отвечают на вопрос *когда?*;
- *раз в год* (или *раз в другую единицу времени*). Тут мы имеем дело с указанием на частотность какого-то события, а не на локализацию во времени;
- *число в единицу времени* (например, *5000 в месяц*). В этой конструкции предлог *в* является синонимом предлога *за* и указывает на аккумуляцию по какому-то параметру за единицу времени.

Полный список конструкций можно найти в базе данных, доступной на сайте <http://opendata.uit.no> (hdl:10037.1/10140), где все не учитывавшиеся конструкции представлены отдельным списком. В результате мы получили выборку в 4300 примеров. В таблице 1 представлено, как обстоятельства времени распределяются по четырем типам маркирования существительного. В таблице 1 разные типы временных промежутков, которые, согласно (12), ведут себя по-разному в отношении выбора падежных форм, отделены друг от друга сплошными линиями. Короткие и ограниченные периоды времени представлены в верхней

части таблицы, протяженные и ограниченные промежутки времени расположены в средней части таблицы и неограниченные периоды времени даны в нижней части таблицы.

Таблица 1

Формы существительных в обстоятельствах времени по данным НКРЯ

	<i>в + Вин</i> Ед	<i>в + Вин</i> Множ	<i>в + Предл</i> Ед	<i>в + Предл</i> Множ	<i>Всего</i>
<i>секунда</i>	20	13	0	0	33
<i>минута</i>	158	111	0	0	269
<i>час</i>	101	58	1	0	160
<i>утро</i>	38	2	0	0	40
<i>день</i>	446	242	1	0	689
<i>вечер</i>	113	2	0	0	115
<i>ночь</i>	127	10	0	0	137
<i>месяц</i>	11	28	20	0	59
<i>год</i>	82	454	73	65	674
<i>десятилетие</i>	13	9	0	1	23
<i>столетие</i>	1	0	10	0	11
<i>век</i>	15	20	163	8	206
<i>время</i>	1350	187	27	1	1565
<i>период</i>	191	10	8	0	209
<i>эпоха</i>	99	3	6	2	110
Всего	2765	1149	309	77	4300

Как мы видим из таблицы 1, в целом можно говорить о том, что мы наблюдаем ожидаемое распределение. Ожидаемые формы выделены в таблице жирным шрифтом. Для существительных, обозначающих короткие и ограниченные временные промежутки (*час* и проч.), мы, согласно гипотезе, сформулированной в (12), ожидаем употребления в винительном падеже. Как мы видим, именно винительный падеж оказывается наиболее частотным для такого типа существительных. Для слов, описывающих продолжительные и ограниченные периоды (*год* и пр.), мы ожидаем использования предложного падежа в единственном числе и винительного падежа во множественном числе, так как множественное число «аннулирует» границы и мотивирует употребление винительного падежа. Мы видим, что числа в соответствующих ячейках таблицы относительно высоки. Для существительных, описывающих неограниченные временные отрезки (*время* и пр.), мы

ожидаем использования винительного падежа, что и обнаруживаем в корпусных данных. Тем не менее, помимо ожидаемых форм, мы находим и формы, на первый взгляд противоречащие гипотезе в (12). К таким неожиданным формам относятся формы винительного падежа единственного числа для длинных ограниченных периодов, формы предложного падежа единственного и множественного числа для коротких и ограниченных, и неограниченных временных отрезков, а также формы предложного падежа множественного числа для протяженных, но ограниченных временных отрезков. Как мы увидим далее, в большинстве случаев данные формы не представляют собой контр-примеры, могут быть объяснены и в целом поддерживают гипотезу, сформулированную в (12). Рассмотрим подробнее не предсказанные гипотезой случаи.

НЕОЖИДАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ВИНИТЕЛЬНОГО ПАДЕЖА

В Корпусе есть 122 примера употребления винительного падежа, которые не предсказываются гипотезой в (12). Если обратиться к качественному анализу отдельных примеров, то мы обнаружим, что 38 примеров имеют прилагательные в препозиции, модифицирующие значение обстоятельства, 23 примера имеют несогласованное определение в постпозиции, выраженное родительным падежом, 7 — определительные придаточные, в 29 контекстах употреблено указательное местоимение, а в 24 случаях временные понятия употреблены неоднозначно. Как мы увидим, к определяющим факторам относятся сдвиг фокуса внимания с локализации события во времени на качество ситуации и обстоятельства, а также противопоставление анафоры и дейксиса.

Определение в препозиции: прилагательное, описывающее качество

Препозитивные определения допускают вариативность между конструкциями с винительным и предложным падежами. Однако эта вариативность не является свободной, так как обнаруживаются сильные тенденции. В частности, в случае с препозитивными определениями, указывающими на качество временного отрезка, вариативности практически нет, и существительные, описывающие временные понятия, используются в винительном падеже. Как было показано

в разделе 3, препозитивные определения могут добавлять к локализации на временной оси новый фокус внимания и указывать также на свойства определенного периода времени. К таким случаям относятся примеры типа (16) и (17), где мы имеем дело с качественными описаниями:

(16) Вот и приходится Кудрину ломать голову над тем, что *в предвыборный год* опасней не выполнить: задание премьера или обещание президента [Максим Блант. Кассандра в ранге советника (2003) // «Еженедельный журнал», 2003.04.08].

(17) *В сухой год* в июле над сосною прошла гроза [Юрий Коваль. У Кривой сосны (1979)].

Несмотря на то что годы, описанные в примерах (16) и (17), безусловно, являются конкретными годами на временной оси, важно не столько то, когда происходили обозначенные события, сколько то, при каких обстоятельствах они происходили. Так, сложности для премьера Кудрина были связаны не с тем, что шел определенный год, а с тем, что этот год был предвыборным. В случае с грозой, несмотря на то что речь идет о конкретной грозе, произошедшей в конкретное лето, которое, безусловно, можно локализовать во времени, важно именно то, что лето это было сухим. Итак, сдвиг фокуса внимания на качество периода времени мотивирует употребление винительного падежа.

Определение в препозиции:

прилагательные, описывающие место в последовательности

Менее яркие указания на качественность временного отрезка допускают вариативность. В качестве примера рассмотрим случаи, когда препозитивное определение не просто модифицирует значение обстоятельственной конструкции, но и однозначно локализует описываемые события. Такие модификаторы потенциально допускают сочетаемость с предложным падежом. Среди наиболее типичных сочетаний — сочетания с прилагательными типа *ближайший* и *последний*. Рассмотрим прилагательное *последний*. Данное прилагательное весьма любопытно, так как оно не может быть использовано без указания на точку отсчета. В дефолтном случае точкой отсчета является момент речи, и тогда *последний* описывает временной отрезок, непосредственно предшествующий моменту речи (или временному периоду, в котором локализован момент речи, например месяц или год), и употребляется дейктически, как показано в примере (18):

- (18) *В последнее десятилетие* в технической информатике произошла подлинная революция [Инфразвуковая разведка на нефть и газ АНЧАР — новая российская геофизическая технология. Результаты // «Геоинформатика», 2001].

В примере (18) временное обстоятельство в винительном падеже может быть заменено на предложный падеж. Дейктические употребления, которые сводятся к выбору одного референта из множества возможных, могут быть маркированы предложным падежом.

Если же точкой отсчета является не момент речи, а некое другое событие, то в конструкциях с прилагательным *последний* используются модификаторы, локализирующие точку отсчета. Так, в примере (19) точкой отсчета является *смерть*.

- (19) Лежа в больнице *в последний месяц* перед смертью, он как-то сказал: — Мои инфаркты — это бомбы замедленного действия, я так и не смог оправиться от предательства [Сати Спивакова. Не всё (2002)].

В случае с примером (19) можно говорить о том, что мы имеем дело с «квазианафорой», так как прилагательное *последний* соотнесено с неким выражением, эксплицитно или имплицитно доступным в контексте. В целом прилагательные типа *последний* и *ближайший* указывают на некую точку в последовательности, которая должна быть задана контекстом. В случаях квазианафоры замена винительно-го падежа предложным не представляется естественной.

Как мы видим, противопоставление дейксиса и анафоры имеет значение для падежного маркирования во временных обстоятельствах. Если в примере (18) дейктическое временное обстоятельство может быть заменено локативной конструкцией, то в примере (19) с квазианафорой такая замена не является допустимой, так как анафорическое употребление строго ассоциируется с маркированием винительным падежом.

Определение в препозиции: указательное местоимение

Другим примером противопоставления дейксиса и анафоры служат обстоятельства времени с препозитивными определениями, выраженными указательными местоимениями. Рассмотрим следующие пары конструкций: *в этом месяце* vs. *в этот месяц* и *в том месяце* vs. *в тот месяц*. Представляется, что в этих конструкциях, как и в описанных выше конструкциях с прилагательными, указывающими на точку в последовательности, мы имеем дело с противопоставлением дейксиса

и анафоры. *В этом году* означает «в году, совпадающем с моментом речи» (“de re”):

(20) Вот ждём, *в этом месяце* должен в отпуск приехать [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

В этот месяц таким образом использоваться не может, так как не указывает на год, в котором локализован момент речи, а локализует событие в определенном, ясном из контекста, отрезке времени (“de dicto”).

(21) Так что работал он *в этот месяц* столько, сколько не работал никогда в жизни [Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)]³.

Наличие в контексте предшествующего указания на соответствующий период делает конструкцию *в этот месяц* анафорической. Иными словами, предложный падеж ассоциируется с дейксисом, а винительный — с анафорой. Анафорическая конструкция *в этот месяц*, маркированная винительным падежом, является синонимичной конструкциям *в том месяце* и *в тот месяц*. По сути, местоимение дальнего дейксиса *тот* существует только как оппозиция местоимению ближнего дейксиса *этот* и всегда соотнесено с ним эксплицитно в контексте или имплицитно.

Определение в препозиции: местоимение-квантор

Если указательные местоимения типа *этот* и *тот* вычленяют из всего допустимого множества один конкретный временной отрезок, то местоимения типа *любой* и *какой-то*, напротив, не указывают на конкретную точку на временной оси. Дело в том, что местоимения *любой*, *какой-то* и подобные, указывая либо на повсеместность, либо на существование, употребляются как кванторы, не предполагают однозначной локализации некоего события во времени и, в некотором смысле, размывают границы соответствующих временных понятий. Местоимение *любой*, как следует из примера (22), никак не указывает на локализацию во времени и не предполагает конкретного референта, а местоимение *какой-то*, хотя и подразумевает, что имеется конкретный референт, никак не локализует его на временной оси.

³ В нашей выборке нет примеров употребления конструкции *в этот месяц*. Такие примеры существуют и засвидетельствованы в корпусе, в том числе и пример (22), не попавший в нашу выборку в связи с тем, что находится в подкорпусе с неснятой омонимией.

- (22) Всех встретим и приветим, в любую пору, в любой месяц забавы по душе найдёте [С Новым годом! // «Мурзилка», 2002].

То, что местоимения типа *любой* и *какой-то* описывают целое множество референтов, концептуально сближает их со множественным числом, которое, как показано выше, тяготеет к маркированию винительным падежом. Таким образом, винительный падеж в примере (22) подчиняется принципам, представленным в (12).

Определение в постпозиции: генитив и придаточные предложения

Кроме препозитивных модификаторов, описанных выше, существуют и представлены в нашей выборке постпозитивные модификаторы, такие как несогласованные определения в родительном падеже и придаточные предложения.

Как отмечалось в более ранних работах, основанных на корпусах небольшого объема, наличие родительного падежа в постпозиции, подобно некоторым препозитивным определениям, смещает фокус внимания на качественные характеристики временного интервала [Nesset 2004: 308—312; Makarova, Nesset 2013: 322]. В отличие от препозитивных определений, которые допускают замену предложным падежом, родительный падеж в постпозиции однозначно мотивирует употребление винительного падежа и замены на предложный падеж не допускает. Данные нашей корпусной выборки подтверждают это наблюдение.

- (23) Мог ли он думать, что в год войны, горя, бездомности, в казанской эвакуации ему удастся сделать свою самую большую, главную работу [Василий Гроссман. Жизнь и судьба, часть 2 (1960)].

Кроме постпозитивного определения в родительном падеже, однозначное предпочтение винительного падежа мотивирует наличие придаточного определительного [Nesset 2004: 311, 312]:

- (24) Гулко, дробно, быстро, бешено неслась кавалькада на высочайшем смотру драгунской дивизии — в тот год, когда они с государем вернулись из Европы на этом «Геркулесе» [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988—1989)].

Подобно несогласованному определению в родительном падеже в постпозиции, придаточное определительное смещает фокус внимания на качество временного периода, так что помимо ответа на вопрос *когда?* временная конструкция отвечает и на вопрос *при каких*

обстоятельствах? В примере (23) важно, что событие происходило в ситуации войны, а в примере (24) — что это был год возвращения на «Геркулесе».

Таким образом, на вариативность влияет и синтаксис, и семантика. При наличии препозитивных определителей вариативность винительного и предложного падежей наблюдается, в то время как при наличии постпозитивных модификаторов вариативность отсутствует. Эффект семантических факторов заключается в следующем: в случаях, когда определение выделяет конкретный референт, но не описывает его качества, вариативность допускается, а в случаях, когда определения описывают в первую очередь качества, вариативность не допускается.

Многозначность

Среди неожиданных случаев употребления винительного падежа единственного числа при маркировании длительных периодов времени с четкими границами обнаруживаем контексты, где временные понятия используются не в своих основных значениях.

Ранее наблюдалось, что термины из группы длительных и ограниченных временных промежутков в некоторых контекстах могут быть интерпретированы либо как короткие и ограниченные периоды, либо как неограниченные отрезки времени. В таких случаях соответствующие термины маркируются так, как ожидается для этих групп [Всеволодова, Потапова 1973: 83; Nessel 2004: 287, 288]. Наши данные подтверждают это наблюдение. Так, существительное *век* может использоваться не только как обозначение периода времени продолжительностью в столет, но и как синоним слова *время*, которое, как мы знаем, не имеет четких границ и обычно используется в винительном падеже. Речь идет о таких употреблениях существительного *век*, как в примере (25):

- (25) Чего только *в наш век* не придумают! — сказал он солидно. — Спутники запускают, а теперь стали лягушек делать из мыла [Фазиль Искандер. Святое озеро (1969)].

В примере (25) *век* не является синонимом *столетие*, а указывает на время, в которое живет повествователь, т. е. может быть заменено конструкцией *в наше время*. Главное, что при этом понятие *век* теряет привычные границы, и поэтому употребление винительного падежа мотивировано. Аналогичным образом теряет границы тридцатидневного периода понятие *месяц* в конструкции *медовый месяц*. Другим случаем потери границ является сочетание *Новый год*, так как в этой

конструкции *год* не значит 365 дней, но указывает на день, в который отмечается праздник.

Описанные выше случаи исчерпывают все употребления винительного падежа с продолжительными и ограниченными временными терминами, обнаруженные в нашей выборке. Как мы видим, все случаи находят объяснение и не представляют собой примеры, противоречащие гипотезе в (12).

НЕОЖИДАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА

К не предсказанным гипотезой (12) употреблениям предложного падежа относятся две большие группы примеров: предложный падеж единственного числа с терминами, описывающими неограниченные временные отрезки, и предложный падеж множественного числа с терминами, относящимися к протяженным и ограниченным во времени промежуткам.

Единственное число: время, период, эпоха

Несмотря на то что подавляющее большинство примеров употребления этих временных терминов соответствует гипотезе в (12), в нашей выборке есть 41 пример, в котором использован предложный падеж. В большинстве случаев, однако, эти употребления не противоречат гипотезе⁴.

Как и в случае с неожиданными на первый взгляд употреблениями винительного падежа, когда причиной маркирования винительным падежом являлось употребление временного понятия не в основном значении, неожиданные использования предложного падежа также могут быть мотивированы многозначностью существительных. Так, в случае с понятием *период* мы зачастую имеем дело с тем, что на в норме неограниченный отрезок времени накладываются конкретные границы.

- (26) При этом в *отчётном периоде* никакие записи в бухгалтерском (синтетическом и аналитическом) учёте не производятся [Михаил Задорнов. Приказ министра финансов РФ Об утверждении положения по бухгалтерскому учёту (1998)].

⁴ Два примера употребления существительных, описывающих короткие и продолжительные отрезки времени, — это стилизация под церковнославянский в контексте *кое рыдание в настоящем часе* и, скорее всего, авторское употребление существительного *день*: *До смерти далеко. И в каждом дне* — Кямал [Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002].

В примере (26) *период* имеет конкретные границы, на наличие этих границ указывает прилагательное *отчетный*. Таким образом, употребление винительного падежа оказывается предсказуемым.

В некоторых случаях неожиданное употребление предложного падежа можно объяснить лексикализацией конвенционализированных сочетаний. К таким сочетаниям относятся конструкции типа *в скором времени*, не допускающие замены на винительный падеж. Помимо неожиданного употребления предложного падежа с неограниченным понятием *время*, мы наблюдаем неосновное значение прилагательного *скорый*. Это прилагательное имеет ограниченную сочетаемость и обычно означает «быстрый, осуществляющийся в короткий период»; значение «ближайший», которое наблюдается в сочетании *в скором времени*, не является для него самым распространенным [Plungian, Rakhilina 2013: 352].

В некоторых случаях, для избежания омонимии с устойчивыми выражениями, используются не вполне ожидаемые конструкции. Так, чтобы избежать омонимии с лексикализированным *в свое время* и подчеркнуть посессивное употребление местоимения *свой*, используется предложный падеж:

(27) Приговор не столько своему времени, сколько себе *в своём времени* [Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988—1989)].

Замена предложного падежа винительным в примере (27) изменила бы значение высказывания, так как *в свое время* означало бы «однажды» и не указывало бы на соотнесенность со временем жизни конкретного человека.

До сих пор в этой статье мы подчеркивали отсутствие полного параллелизма между пространственной и временной сферами, однако существуют примеры, в которых лексический контекст активизирует такие параллели и мотивирует грамматическое оформление временных конструкций аналогично пространственным. Рассмотрим два примера.

(28) Вскоре пришло понимание характера этой женщины, жившей *в другой эпохе*, в другой стране [И. А. Архипова. Музыка жизни (1996)].

(29) Сидите *в своём городе*, *в своём доме*, *в своём времени*, *в смысле в своей эпохе*, и смотрите фильм про какую-то Французскую революцию [Евгений Гришковец. ОдноврЕмЕнно (2004)].

В примерах (28) и (29) обстоятельства времени расположены в непосредственной близости к обстоятельствам места (*в другой стране, в своем городе, в своем доме*). Представляется, что пространственный контекст, который может быть выражен исключительно формами предложного падежа, мотивирует употребление предложного падежа в обстоятельствах времени.

Множественное число: конструкции типа в 20-х годах

Как следует из таблицы 1, большинство примеров, не предсказанных гипотезой, касаются употреблений существительного *год*⁵. Во всех этих случаях мы имеем дело с особой конструкцией, обозначающей десятилетия.

- (30) *В шестидесятых годах* отец её вернулся в Москву, его восстановили в институте, он приехал к Зубру, они обнялись, расцеловались [Даниил Гранин. Зубр (1987)].

В примерах типа (30) допустима замена предложного падежа винительным (*в шестидесятые годы*). Как предлагалось ранее, вариативность объясняется двойной мотивацией [Nesset 2004: 304—308]. С одной стороны, мы имеем дело с продолжительным отрезком времени с четкими границами (десятилетие), т. е. находим мотивацию для употребления предложного падежа. С другой стороны, формы множественного числа мотивируют употребление винительного падежа, как уже было описано ранее (*в эти годы* и проч.).

Таким образом, все примеры не предсказанного в (12) употребления предложного падежа находят объяснение и не противоречат гипотезе.

⁵ В этом разделе мы сконцентрируемся на основной группе примеров и не станем останавливаться подробно на следующих примерах: употребления существительного *век*, где оно значит 'вечность' в контекстах типа *пребудет в веках*, а также одно употребление существительного *десятилетие* в предложном падеже, которое, судя по всему, представляет собой нестандартное авторское употребление: *В прошлых десятилетиях огромный сверхмощный кар-автоматик ещё был в Америке символом могущества, процветания, мужского как бы достоинства* [Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основании описанных выше данных можно сделать следующие выводы. Во-первых, представляется, что винительный падеж является дефолтным вариантом оформления обстоятельств времени, так как при отсутствии дополнительных условий, таких как фокус на свойствах временного периода, существительные, обозначающие все временные промежутки, кроме длинных с четкими границами, после предлога *в* используются в винительном падеже. Предложный падеж используется в особых, строго оговоренных случаях.

Во-вторых, в каждом конкретном контексте обычно может быть использована только одна из двух возможных форм, иными словами, винительный и предложный падежи во временных конструкциях оказываются в отношении дополнительного распределения, а разные группы существительных оформляются разными падежами.

Итак, конструкция определяет падежную форму. Исходя из лексического значения существительного в предложной группе, наличия определений в синтаксическом окружении, а также грамматического числа, мы можем предсказать, какая падежная форма будет употреблена.

Выводы, сделанные на конкретном материале из Национального корпуса русского языка, позволяют вернуться к более общему теоретическому вопросу пространственно-временной асимметрии. Идея асимметричности между пространственной и временной сферами была сформулирована и ранее, в том числе в контрастивном исследовании на материале русского и других славянских языков [Makarova, Nessel 2013]. Настоящая работа показала, что существуют особые лексические контексты, в которых активизируется аналогия с пространством, и временные конструкции начинают вести себя параллельно пространственным. Такие случаи, однако, не распространены и представляют собой скорее исключения, чем правило.

Несмотря на особые случаи активирования параллелизма между двумя концептуальными сферами, в целом ответ на вопрос о симметричном распределении винительного и предложного падежей в пространственной и временной сфере безусловно остается отрицательным. Как правило, отношения между двумя доменами асимметричны. Гипотеза в (3) находит подтверждение на конкретных примерах. В то время как для пространственных конструкций выбор падежной формы не зависит от значения существительного и таких характеристик, как протяженность и замкнутость, для временных конструкций это противопоставление является весьма существенным. Оппозиция значений

конструкций с предложным и винительным падежами в обстоятельствах места (местонахождение vs. направление движения) не находит никакого отражения в обстоятельствах времени, где выбор падежа не влечет за собой подобного семантического контраста.

Таким образом, в статье показано, как подробный анализ данных Национального корпуса русского языка может пролить свет на такие основополагающие вопросы когнитивной лингвистики, как асимметрия в отношениях донорской и реципиентной зон в метафоре.

ЛИТЕРАТУРА

- Всеволодова, Потапова 1973 — *Всеволодова М. В., Потапова Г. Б.* Способы выражения временных отношений. М.: Изд-во МГУ, 1973.
- Fauconnier, Turner 2008 — *Fauconnier G., Turner M.* 2008. Rethinking metaphor // *Gibbs R. W.* (ed.). *The Cambridge handbook of metaphor and thought.* Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 53—66.
- Haspelmath 1997 — *Haspelmath M.* From space to time. Temporal adverbials in the world's languages. Munich; Newcastle: Lincom Europa, 1997.
- Lakoff, Johnson 1980 — *Lakoff G., Johnson M.* *Metaphors we live by.* Chicago; London: University of Chicago Press, 1980.
- Lakoff 1993 — *Lakoff G.* The contemporary theory of metaphor // *Ortony A.* (ed.). *Metaphor and thought.* Cambridge: Cambridge University Press, 1993. P. 202—251.
- Langacker 1991 — *Langacker R. W.* *Concept, image, and symbol: The cognitive basis of grammar.* Berlin: Mouton de Gruyter, 1991.
- Klein 1994 — *Klein W.* *Time in language.* London: Routledge, 1994.
- Makarova, Nessel 2013 — *Makarova A., Nessel T.* Space-time asymmetries: Russian v 'in(to)' and the North Slavic temporal adverbial continuum // *Russian linguistics.* 2013. 37. P. 317—345.
- Nessel 2004 — *Nessel T.* Case assignment and image schemas. Russian temporal adverbials // *Studies in Language.* 2004. 28 (2). P. 285—319.
- Plungian, Rakhilina 2013 — *Plungian V., Rakhilina E.* Time and speed: Where do speed adjectives come from? // *Russian Linguistics.* 2013. 37. P. 347—359.